

Рассказ бывшего каторжника

Библейская Баптистская Церковь

Ул. Олимпийская 12

Кишинев, Молдова 2019

Тел. 022-286-173; 069-922-700; 079-609-850

www.biblebaptistchurchmoldova.com

Рассказ бывшего каторжника

Предисловие

Простое и безыскусное повествование, предлагаемое ниже вниманию читателя – подлинный рассказ человека, опустившегося на самое дно общества и затем чудесным произволением Божиим обратившегося ко Христу. Первое издание настоящей книги в 2000 экз. разошлось в продолжение 4 месяцев. За это время мы получили много благодарственных писем и отзывов, но здесь мы помещаем лишь некоторые выдержки из них.

"Павел Смоленый" – это звучит как повесть; но как же часто жизнь и водительство Божие еще сложнее и чудеснее, чем самое удачное литературное произведение. Книжечка эта является рассказом о прекраснейшем чуде Божиим. Да станет она еще для многих тысяч душ путеводителем ко Христу".

А. Г.

"Павел Смоленый" – трогательный рассказ, свидетельствующий о силе благодати и Слова Божия, равно как и о Божиим водительстве".

Г. В.

"В этой в высшей степени назидательной и интересной книге живо повествуется о силе Евангелия, действующей на огрубелые сердца разбойников. Пусть Господь благословит

распространение этой книги, чтобы, читая ее, и другие очерствелые сердца были побуждены отдаться Господу".

"Светильник"

Издательство

Прозвище "Смоленый" Павел получил в восьмилетнем возрасте при особых обстоятельствах, о которых речь впереди. Его настоящая фамилия – Тихомиров, он сын крестьянина одной из беднейших деревушек Могилевской губернии. Семья Тихомировых состояла из отца, матери и двух малолетних детей – десятилетней Шуры и восьмилетнего Паши. Семья была дружная и религиозная, пользовалась уважением не только односельчан, но и церковного причта: у них по праздникам бывал и играл в карты с хозяином даже местный священник. Играли не на деньги, а времяпровождения ради то в "дурачка", то в "носы", причем проигравшему доставалось картами по носу. Когда у кого-нибудь из игравших бывали деньги, детей командировали за водочкой, все приходило в веселое настроение, а "батюшка" говорил: "Умеренно пить не грешно; сам Господь любил веселье и претворил воду в вино на браке в Кане Галилейской". Дети с интересом наблюдали при этом, как нос священника краснел не то от водочки, не то от ударов картами, которые особенно ловко наносил обычно выигрывавший отец. Добряк священник только побрякивал, говоря: "...но тот, кто

выдержит до конца, спасется" (Матф.10:22); и на нашей улице будет праздник; тогда держись, брат, и ты; написано: "Никому ничего не будьте должны" (Рим. 13:8) и "...и какой мерой вы мерите, [такой] будет отмерено вам" (Матф. 7:2).

Но вот веселой жизни пришел конец. Следовавшие один за другим неурожаи заставили крестьян деревни Сосновки думать о переселении в Сибирь. Целыми днями толковали они об этом и наконец решили послать ходоков подыскать подходящий участок земли в одной из сибирских губерний. В число ходоков попал и Тихомиров, как человек толковый и расторопный. Через три месяца ходоки вернулись. Участок был найден в Томской губернии. Распродав все имущество, переселенцы тронулись в путь-дорогу. Несколько вагонов длинного поезда, одного из нескольких переселенческих поездов, заняли сосновцы. Дело было в 1897 году.

Медленно двигавшиеся поезда делали продолжительные остановки для пересадок на узловых станциях – Самара, Челябинск, Омск... По целым неделям переселенцам приходилось ожидать нужных поездов, и они кое-как, валяясь на полу, проводили дни и ночи в тесных станционных помещениях. Кипяченой воды в баках не хватало, горячая пища в буфетах была не по карману беднякам, голодный люд набрасывался на дешевую селедку да вяленую воблу, пил сырую воду. И вот появились сперва желудочные заболевания, потом

холера. Заболевали преимущественно взрослые. Не доехав до Томска, заболел и Тихомиров. Все признаки говорили о холере. К ужасу его жены и детей, на одной из станций больного вывели из вагона и отправили в барак для заразных больных. Конечно, жена и дети также оставили поезд и приютились недалеко от барака за составленными вместе железнодорожными снеговыми щитами, чтобы по несколько раз в день справляться о здоровье мужа и отца. С каждым разом вести были печальнее. Прошло три дня, и убитая горем Тихомирова объявила детям, что и она заболела, как их отец. Душераздирающей была сцена, когда носильщики забирали у плачущих детей дорогую мать – с нею они лишились последней опоры. Мать долго не решалась выпустить их из своих объятий, чувствуя, что расстанется с ними навсегда. Но ужаснее смерти была для нее мысль о том, что ее дорогие дети останутся круглыми сиротами на чужой стороне.

Вот унесли в барак и мать. Дети с воплем отчаяния бежали за людьми, уносившими ее от них, но тяжелая дверь барака бессердечно захлопнулась перед ними. Какими несчастными и одинокими почувствовали себя теперь Шура и Паша! Они, как безумные, бегали вокруг барака и звали то отца, то мать... Ответом им были только грубые окрики сторожей и угрозы побить их, если они не уйдут. Но дети не переставали кричать и проситься в барак, чтоб умереть с родителями, без которых они жить не

могли и не хотели. Так они бегали до самой ночи, и только ночной холод заставил их подумать об одежде, которую они с другими вещами оставили у щитов. Придя на место, где они с матерью сидели до ее болезни, они не нашли своего багажа: кто-то, видно, польстился на нищенские пожитки переселенцев...

Забившись между щитами, дети плотно прижались друг к другу, чтобы хоть как-то согреться. Шура, как старшая, заботилась о своем братишке. Она до рассвета не сомкнула глаз, и эта ночь показалась ей вечностью. Лишь только Паша проснулся, они опять побежали к бараку. Первый служитель, который им там встретился, сказал: "Не приходите больше: утром мы вынесли труп вашего отца, да и мать ваша, наверное, умрет сегодня".

Трудно было убедить детей не подходить к бараку. Они то и дело заглядывали в окна и звали свою маму. Неужто навсегда умолкнет для них ее сладкий голос, неужто к вечеру и она будет холодным трупом?

Да, вечером они узнали, что мать умерла. Обнявшись, они сидели у щитов и горько плакали. Паша в эту ночь не спал ни минуты, все плакал и тосковал. Сев спиной к щитам, он смотрел на уходившую вдаль линию железной дороги и мучительно переживал в своем детском воображении все ужасные события последних дней. Наконец он сказал, заметив идущий поезд: "Шура! Я не хочу жить без мамы и папы, пойдем, ляжем на

рельсы. Пусть паровоз раздавит нас и мы помрем. Зачем нам жить? Куда мы теперь пойдём? Кому мы нужны?" С этими словами Паша схватил сестру за руку и стал тащить ее к железнодорожному полотну. Шуру охватил ужас; она обняла братишку и, рыдая, говорила: "Нет, ни за что не пойду под поезд и тебя не пущу... Боюсь... Страшно!" – "Пусти, я один побегу!" – кричал мальчик.

Пока они уговаривали один другого, поезд промчался мимо. Паша упал вниз лицом на землю и завопил: "Зачем ты меня удержала? Я не хочу больше жить!" Старшая сестренка, умная и ласковая, стала убеждать брата более об этом не думать. Долго пришлось ей его уговаривать, пока он успокоился и пообещал не думать о смерти, не покидать Шуру совсем одну на свете.

Опять дети сели у щитов, прижавшись друг к другу, и стали ждать рассвета. Они решили пойти утром на могилу родителей. Холодная ночь тянулась бесконечно долго для прозябших, голодных детей. Но вот и утро. Дети побежали к кладбищу, где на особо отведенном месте хоронили больных, умерших от заразной болезни. У ворот кладбища дети попросили сторожа впустить их и указать, где погребены их родители. Но сторож грубо ответил: "Разве мало их сюда перетаскали за эту ночь? Разве я обязан знать, кого тут закапывают? Да притом их сваливают в одну яму по десять, а то и по двадцать человек".

Не добившись ничего, дети устали заплаканными глазенками сквозь щели забора на беспорядочные группы холмиков из сырой глины. Долго они так стояли, смотрели и плакали, пока сторож их не отогнал. Убитые горем, рука об руку, они молча шли назад к щитам, свидетелям их тяжких переживаний за пять последних дней и их разлуки с матерью. Это место сделалось для них, осиротевших, чем-то близким, вроде родного дома. Они стали думать и советоваться, как им быть и что делать. Не хотелось им попасть в барак для осиротевших детей, но они сознавали, что это было бы для них спасением от голода, который все больше давал о себе знать. Их небольшие запасы съестного пропали вместе с багажом, а там были и деньги.

Жутко было теперь одиноким детям, голодно и холодно. Весенние жаворонки весело заливались над ними, распевая свои незатейливые песенки; яркое солнышко золотило все кругом, а в сердцах сироток была черная ночь. Горе особенно сблизило теперь сестру и брата. Шура стала для Паши как бы второй матерью: ласкала его, утешала, как могла, и приговаривала: "Не будем унывать, мой милый! Бог нас не оставит!"

Дети уже решили идти в ближайшую от станции деревню и просить хлеба, как вдруг услышали грубый окрик: "Вы что тут делаете, вы чьи?" Перед ними стоял незнакомец в форменной одежде и разглядывал их. Смущались дети и не сразу ответили, что они переселенцы и что их отец и мать только что

умерли. Незнакомец приказал им идти за ним и отвел их на распределительный пункт, где их сейчас же определили в барак для осиротевших, чего они так боялись, особенно потому, что грозила разлука: барак для девочек был за несколько станций от этого места. Но несмотря на мольбы и слезы детей, Пашу повели версты за три от станции в барак для мальчиков, а Шуру отправили с первым отходившим поездом на ту станцию, где был барак для девочек.

Нетрудно себе представить страдания разлучавшихся детей, ведь каждый терял в другом все, что ему было дорого в жизни.

Пашу ввели в барак, где было уже сотни три ребятишек. Многие жили там уже довольно давно, освоились с новыми условиями и были шаловливы. Новичка Пашу они встретили шутками и увесистыми толчками в бока и спину – для первого знакомства. Через неделю Паша задумал бежать из барака: вся обстановка, невнимание к нуждам детей, грубость многих ребятишек, драки, крик и противные постные щи каждый день на обед стали ему невыносимы. И вот он стал выжидать удобного момента для бегства. Детям не позволяли одним отлучаться из барака, но медлить было нельзя, а потому в одну темную ночь Паша, выйдя во двор, перелез через дощатый забор и опрометью кинулся в сторону, противоположную железной дороге. Верстах в пяти от нее начинался большой лес. Очутившись в чаще, Паша почувствовал себя спокойнее. Теперь он не бежал, а шел, стараясь не потерять из виду опушку леса, чтобы не заблудиться

и все же уйти подальше от того места, где был барак. Долго он так шел, наконец утомился, прилег под одним деревом и скоро заснул. Во сне ему казалось, что его догнали и притащили в барак, а там били и, раскрывая ему рот, без конца вливали противных постных щей...

Яркое весеннее солнышко уже сильно пригревало, когда маленький беглец проснулся. Разноголосые птички просто оглушали его своим пением; они точно старались похвалиться своим искусством перед пришельцем в их зеленое царство. Паша сел и стал думать, что ему делать дальше. Решил он идти на родину, в свою Сосновку; название своей деревни он хорошо помнил. Как хорошо ему когда-то жилось в Сосновке! Там была такая славная речка, в которой он купался с другими ребятами и ловил удочкой рыбу... Страшно хотелось ему, конечно, повидаться с милой сестрой Шурой, но где и как ее найти, он не знал. Да притом и страшно было: как бы его не забрали опять в барак. И вот он решил храбро идти вперед, подальше от противного барака, а там он будет подробно расспрашивать о дороге в родные места.

Целый день он шел, стараясь избегать селений, и только в одной деревушке выпросил себе хлеба. Настала другая ночь, и он пошел в глубь леса, чтобы там заночевать. Опять он лег под большим деревом и крепко уснул. Перед самым рассветом он почувствовал толчок, и кто-то зычным голосом его

окликнул: "Эй, вставай, мальчуган! Что ты тут лежишь, с кем ты тут?"

Поднявшись, Паша увидел трех здоровенных молодцов, вооруженных с головы до пят, и порядком испугался. "Не бойся, мы тебя не тронем. Расскажи, зачем ты здесь?" Видя, что это люди не из барака, Паша откровенно рассказал им все, что ему пришлось пережить и куда он держит путь. Они слушали его со вниманием: мальчик им, видимо, понравился своею бойкостью и находчивостью. Посоветовавшись между собою, они решили взять его к себе. "Не то погибнет, – говорили они. – Из него может выйти толк, раз уж он не побоялся бежать из приюта и пробирается пешком на родину; нужно только воспитать его по-нашему". О своем решении они объявили мальчугану, причем хвалили свою жизнь и обещали, что ему у них будет отлично. Паша не прекословил: он боялся этих вооруженных людей и последовал за ними в глубь леса. На одной поляне их ждали оседланные кони, а при них еще один дюжий молодец. Он подхватил Пашу под руки, посадил впереди себя на одного из коней, и они поехали. Ехали они долго по лесным извилистым дорогам, наконец остановились. Коней куда-то увели, а сами, согнувшись и увлекая за собою Пашу, вступили в какое-то отверстие между поваленными бурей деревьями и через несколько минут ходьбы в густой чаще очутились на поляне, где находилось около двадцати человек: большей частью вооруженные мужчины и несколько женщин. Все

взоры обратились на приведенного мальчугана, грязного и обтрепанного. Посыпались вопросы: кто он, откуда?

Один из мужчин, по-видимому начальник банды, спросил:

– Как тебя зовут?

– Паша, Павел, – твердо сказал мальчик.

– А по фамилии?

– Моя фамилия Тихомиров.

– Ну, это нам не подходит. Твоя фамилия будет "Смоленый", уж больно ты грязный и измазанный, – шутливо сказал начальник.

С тех пор все его звали не иначе, как "Смоленый". Новая фамилия понравилась всем.

Паше стало ясно, что он попал в шайку разбойников. Мало-помалу он освоился с новой жизнью, и она ему даже понравилась. Бесшабашная вольность, хорошая пища и веселое настроение под хмельком – все располагало его к этим людям, и он перестал уже думать о Сосновке. Не забыл он только свою сестрицу Шуру и часто грустил, думая, что и ее уже нет в живых.

Маленький "Смоленый" вскоре стал любимцем всех разбойников, их забавой. Он живо интересовался их похождениями и нетерпеливо ожидал новой добычи. Он забыл то, что ему говорили когда-то родители о грехе воровства; теперь ему даже приятно было видеть награбленные вещи и слушать рассказы разбойников по

возвращении их с "работы", как они называли свое злое дело.

Прошло восемь лет, и шестнадцатилетний "Смоленый" уже принимал активное участие в грабежах и разбоях. За свою сообразительность, ловкость и храбрость он сделался помощником атамана. Их "работа" наводила ужас на окрестные селения на расстоянии ста верст в окружности. Дремучие леса позволяли им спокойно продолжать свое дело. Казалось, их никто не найдет, не потревожит. Гробили они всех, кто попадался под руку, нередко и убивали.

Но всему приходит конец. Один для разбойников довольно обыкновенный случай неожиданно произвел полный переворот в их жизни. Дело было глубокой осенью. Группа разбойников, со "Смоленым" во главе, напала на двух мужчин, проезжавших на подводе лесом, убила их и ограбила; взяли лошадей, забрали бывшую на убитых одежду и сапоги. Денег при убитых оказалось всего 3 рубля 50 копеек, а в мешке было две книги, которые разбойники сперва хотели бросить, но потом оставили на папиросы. Книги спрятал у себя "Смоленый". Вечером, после осмотра всех награбленных за день вещей, он достал книги и стал их просматривать. Одна, под названием "Голос веры", была ему незнакома, другая называлась "Новый Завет". Об этой книге у него сохранились смутные воспоминания со времен детства: такая же книга была у его родителей в Сосновке. Лежа на

своей койке, Смоленый, от нечего делать, начал прочитывать те места в книге, которые он случайно открывал. Вот он читает: "... никто не ищет Бога ... Гортань их – открытый гроб; языком своим обманывают; яд аспидов на губах их. Уста их полны злословия и горечи. Ноги их быстры на пролитие крови. Разрушение и пагуба на путях их; они не знают пути мира. Нет страха Божия перед глазами их" (Рим. 3:11-18). И он подумал: "И прежде были такие люди, как мы". – "Ноги их быстры на пролитие крови ..." И он вновь увидел, как они скакали на своих быстрых конях за пытавшимися спастись двумя проезжими, как те просили не убивать их, но без малейшей жалости он и его товарищи лишили их жизни. При этом воспоминании Смоленому сделалось как-то не по себе, и он подумал: "Кто были эти люди? Почему у них с собой была эта книга?" Он стал перелистывать "Новый Завет" в надежде найти какие-либо сведения об убитых. Но там ничего не нашлось, ни одного документа, из которого можно было бы узнать – кто они и откуда. Лишь на первой странице виднелась краткая надпись, гласившая следующее: "15 мая 1898 года – день моего обращения к Господу, покаяния и возрождения. В этот день Он меня простил и омыл Своею святой кровью".

Смоленый не мог понять значения этой надписи и стал перелистывать книгу и читать отдельные места. – "Или не знаете, что несправедные царства

Божия не наследуют?.. И такими были некоторые из вас; но омылись, но освятились, но оправдались именем Господа нашего Иисуса Христа и Духом Бога нашего" (1Кор.6:9-11). Затем он наткнулся на молитву какого-то человека, который говорил: "Господи! половину имени моего я отдам нищим, и, если кого чем обидел, воздам вчетверо" (Лук.19:8).

Перевернув еще несколько листков, он уже увлекся чтением 23 главы от Луки, где повествуется о распятии Христа. Особенно заинтересовало его то, что вместе с Христом были распяты два разбойника, и один из них раскаялся и признал свою вину, и за это раскаяние Христос обещал ему рай.

Смоленый закрыл книгу, положил ее под подушку и, закутавшись в одеяло, хотел уснуть. Но почему-то не спалось. На душе было тревожно. Напрасны были старания отогнать навязчивые мысли и забыться сном. Опять и опять в памяти вставала картина, как те двое просили и молили на коленях пощадить их ...

Только под утро Смоленый забылся тяжелым сном. Проснулся он с какой-то новой тревогой в сердце. Все товарищи заметили особенное выражение на его лице и не знали, чем это объяснить. Некоторые думали, что он заболел. Несколько дней он ходил как в воду опущенный, и никто не мог от него добиться, что с ним творится. Товарищи, однако, не переставали расспрашивать о причине его задумчивости, и в конце концов он открылся некоторым из них, рассказав, что не может

успокоиться с тех пор, как прочитал кое-что из книжки, найденной при убитых. Всем стало не по себе: что, мол, это за книга, от которой так загрузтил их веселый товарищ? Иные требовали отдать им эту колдовскую книгу, чтоб ее сжечь; другие с интересом просили дать ее почитать. Решили, наконец, почитать. И вот, когда все были в сборе, Смоленый перечитал вслух те места, которые его так поразили. Все слушали с напряженным вниманием. В самом начале чтения один молодой разбойник уверенно сказал, что эта книга – Евангелие, что он с нею хорошо знаком. "Моя мать была штундистка, – сказал он, – и постоянно читала Евангелие. Мать часто водила меня на детские собрания, где читалась эта книга, а потом дети пели и молились".

Чтение продолжалось довольно долго. По окончании все молча разошлись по разным углам. Настроение у большинства было подавленное. Никто не мог понять, почему книга произвела на них такое сильное впечатление. С того дня они время от времени собирались и снова читали Евангелие: оно действовало на их души неотразимо.

Прошло не более месяца, и вот молодой разбойник, мать которого была штундистка, открыто заявил, что не может больше продолжать заниматься своим преступным делом. Вслед за ним заявил то же самое Смоленый. Все разбойники уже видели их молящимися со слезами на глазах. Наконец сделал такое же заявление и сам атаман. Все с ним были согласны. Но перед ними встал

вопрос: что делать дальше, как начать новую жизнь? Ведь для этого прежде всего нужно отдаться властям. И еще – могут ли они, если не вдесятеро, то хотя бы частично воздать всем обиженным за причиненное зло? Конечно, это невозможно. Выход один – отдаться властям. Большинство с этим не согласилось; но тот молодой разбойник, который первый решил начать новую жизнь, за ним Смоленый и еще пять человек решили пойти и признаться во всем представителям закона.

Настал день, когда они решили разойтись, кто куда хочет. Прощанье было трогательное. Товарищи попросили Смоленого напоследок прочитать еще что-нибудь из Евангелия. Он открыл место, где описывается встреча Христа с двумя бесноватыми, весьма свирепыми людьми, вышедшими из гробов, т.е. погребальных пещер, из которых Христос изгнал злых духов, после чего исцеленные пошли за Ним. "Так и с нами случилось, – добавил Смоленый. – Мы желаем оставить нашу греховную жизнь. Довольно нам делать людям зло! Пойдем за Христом!" С этими словами Смоленый, упав на колени, громко каялся в своих злодеяниях, каялись также и другие! В общем плаче и стоне слышались бессвязные возгласы, отдельные слова: "Прости!.. нас ... меня ... не вспомяни мне ... омой Своею кровью! Дай силу!.. Не буду... не хочу ... обещаю!" и тому подобное. Семь разбойников, расцеловавшись с остальными, отправились с оружием в руках в ближайший город, а остальные избрали себе другие пути.

Твердо и решительно подходил к городу Смоленый с товарищами. На первой же улице они обратили на себя внимание прохожих, недоумевавших, откуда взялась эта группа пестро одетых вооруженных людей. На углу одной из главных улиц они попросили полицейского указать им, где живет прокурор окружного суда. Городовой показал на большой двухэтажный дом на этой же улице. Они уже раньше договорились, что Смоленый, как самый бойкий и речистый, изложит их дело прокурору словесно.

Глазам вошедших представилась большая светлая комната с паркетным полом, где уже около двадцати человек ожидало приглашения к прокурору. У двери в кабинет стоял курьер. Смоленый обратился к нему со словами: "Просим вас доложить г-ну прокурору, что нам необходимо его видеть". Курьер подозрительно покосился на группу вооруженных людей и спросил: "Вы по какому делу?" – "По очень важному", – ответил Смоленый. Курьер скрылся за дверь. И вот через несколько минут разбойники стояли перед внушительного вида пожилым господином, немного взволнованным неожиданным появлением семи вооруженных молодцев. В свою очередь волновались перед представителем закона и разбойники, решившиеся на такой необычный шаг, как добровольное признание. "Разрешите объяснить вам, кто мы такие и почему мы здесь, – дрожащим голосом начал Смоленый. – Мы разбойники, но вы нас не бойтесь;

мы пришли к вам во всем признаться и покаяться. Мы глубоко сознаем, какое зло мы делали, и вот мы пришли отбыть положенное законом за разбой наказание. Поступайте с нами, как того требует справедливость. А вот наше оружие, возьмите его". При этих словах Смоленьй и все остальные быстро сложили в одну кучу все свое вооружение.

Прокурор растерялся и не сразу овладел собою. Ему впервые в жизни приходилось присутствовать при исповеди целой группы людей, добровольно отдающихся в руки представителя закона. Затем он позвонил в полицейскую часть, и через несколько минут явился, во главе с начальником полиции, небольшой отряд вооруженных солдат. Был составлен протокол предварительного допроса, и дело направили к следователю. На допросе, когда Смоленьй в общих чертах рассказал историю своей жизни и назвал причину, побудившую его и его товарищей оставить преступный образ жизни в лесах, прокурор и все присутствовавшие были тронуты, а некоторые с трудом скрывали слезы. Им трудно было понять, что происшедшая с преступниками внезапная коренная перемена была только следствием их знакомства с Евангелием. "Я уже не Смоленьй больше, а Павел Тихомиров, – говорил юноша, – я хочу служить Богу и людям; я безропотно буду переносить полагающееся мне по закону наказание. Мы теперь в ваших руках". И ему втормили все его товарищи.

Прокурор, волнуясь, отдал приказание немедленно отвести всех семерых в тюрьму и посадить каждого в одиночную камеру до окончания следствия. Бывших разбойников повели в тюрьму с сопроводительным пакетом. Оставшиеся в кабинете прокурор и полицеймейстер долго обсуждали невиданный случай. Ведь обычно преступники либо отрицают свою виновность, либо с трудом и лишь частично в ней сознаются под давлением неоспоримых улик, или сознают себя виновными лишь тогда, когда пойманы на месте преступления; эти же пришли с повинной добровольно ... Значит, велика сила Евангелия, если она перерождает людей!

Полицеймейстер ушел, а прокурор, закончив прием, сейчас же рассказал своей жене о раскаявшихся разбойниках. Велико было и ее удивление. Подумав, она сказала: "Один из распятых с Христом разбойников также раскаялся, но он был прибит ко кресту и не мог никуда уйти; эти же люди могли не приходить, а продолжать разбойничать, скрываясь в тайге. Это просто особый случай, небывалый в истории юриспруденции!"

Наступил вечер, а прокурор с женой никак не могли успокоиться.

– Как ты думаешь, Таня, – сказал прокурор, – не почитать ли и нам Евангелие? Может быть, мы узнаем, чем оно так действует на людей, а то ведь мы с тобою совсем его не знаем.

– Да я как-то читала, – с достоинством сказала Татьяна Александровна, – однако не понимаю, что там могло так на них подействовать.

Юрий Николаевич встал и пошел искать Новый Завет в своей библиотеке, пока жена на кухне распоряжалась насчет ужина. Юрий Николаевич вооружился очками и, открыв Новый Завет, стал его перелистывать. Его внимание привлекла 12 глава Евангелия от Иоанна, и он начал ее читать. Читая, он мысленно одобрял Марию, которая для Христа не пожалела драгоценного благовония, и осуждал, с точки зрения свода уголовных законов, предателя Иуду, этого тайного вора, подводя его деяния под соответствующие статьи. Он поражался всемогуществом Христа, воскресившего Лазаря, тело которого уже начало разлагаться, и удивлялся неверию законников, бывших, вероятно, среди очевидцев неслыханного чуда. Он серьезно задумался над притчею о пшеничном зерне, которое должно умереть, чтобы принести плод, но не мог понять истинного смысла иносказания. Когда же он дошел до слов: "Когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе", он почувствовал, как вдруг близок и дорог стал ему Распятый, как душа его согрелась и потянулась ко кресту, с которого раздалось великое слово: "Совершилось!" И он подумал – не это ли та сила, которая привлекла Тихомирова? При чтении конца 12-й главы на него напал какой-то страх, когда он прочел: "Отвергающий Меня и не принимающий

слов Моих имеет судьбою себе: слово, которое Я говорил, оно будет судить его в последний день".

Тут ему стало ясно, почему разбойники оставили свое гнусное дело ...

Но вот вернулась Татьяна Александровна. "Над чем ты так задумался, что тебя так поразило?" – спросила она. Юрий Николаевич начал было объяснять, но непривычная тема и непривычные мысли еще не укладывались в слова, и Татьяна Александровна не могла ничего понять. Ужин кончился. Ночью Юрий Николаевич не мог уснуть. Лишь только закроет он глаза, как ему слышится: "Слово Мое будет судить ..." И ему кажется, что он подсудимый и слышит статьи Божьего закона, осуждающие его, прокурора, за все сделанные им в жизни проступки и присуждающие его к вечному заключению во тьме кромешной, а он будто ищет защитника, зовет его, но найти не может. Он забывался коротким сном, но и во сне не находил успокоения. Под утро он рассказал жене о том, что передумал и перечувствовал вечером и ночью; но она объяснила его состояние переутомлением; когда же он объявил, что решил оставить должность прокурора, она испугалась и подумала, что он сошел с ума. Но Юрий Николаевич был тверд в своем решении. Ему стало ясно, что вознесенный на крест Сын Божий привлек к Себе и его, прокурора, и отныне будет его личным Спасителем.

Павла Тихомирова и его товарищей посадили в одиночные камеры. Все следователи,

допрашивающие бывших разбойников, удивлялись сделанному ими шагу и особенно поразились факту, что эти люди совершенно переродились под влиянием Евангелия. Так вот какова сила этой Божественной книги, когда к ней подходят с чистым сердцем и желанием знать правду! Вскоре в городе начали говорить не только о раскаянии бывших разбойников и внезапном необъяснимом уходе в отставку прокурора, но и о том, что тюремный священник потребовал изоляции бывших преступников, утверждая, что под влиянием Тихомирова и его товарищей арестанты принимают их веру. Но огонь Евангелия трудно было погасить, и он горел по всем камерам. Многие из арестантов и некоторые из тюремной стражи чуть ли не наизусть заучили главы 12 и 16 Деяний Апостолов, так они им нравились.

Через год все семеро предстали перед судом. Новому прокурору не пришлось сгущать краски в своей обвинительной речи ввиду их добровольного признания. А бывший прокурор, выступавший теперь в качестве защитника, просил присяжных о снисхождении для людей, пришедших с повинною и желающих начать трудовую, честную жизнь. Тем не менее они были приговорены к десятилетним каторжным работам. Приговор они выслушали с полным смирением, в сознании, что его заслужили, и отказались от своего права обжалования. Суд проходил при открытых дверях. Когда им было предоставлено последнее слово, каждый из них в тех

или других безыскусных выражениях жалел о том, что столько лет причинял людям зло, и говорил о действии на его душу Того, Кого он узнал из Евангелия. Многие в зале были растроганы, и было заметно, что во многих сердцах зерно Слова Божия уже пустило живой росток. После суда арестанты были отправлены по назначению в разные места заключения, кроме Тихомирова и Соловьева, которых направили в одно и то же место. Прощаясь друг с другом, каждый давал обещание быть при всех обстоятельствах честным, оставаться верным Господу и говорить другим о Его любви. Тихомиров и Соловьев были отправлены за Байкал. По всем пересыльным тюрьмам, где им только приходилось бывать, они рассказывали о том, как их спасло Евангелие, и говорили о любви Божией к кающемуся грешнику. И везде находились люди, с особым вниманием слушавшие их простое свидетельство и принимавшие его к сердцу. Каторжане, участь которых теперь разделяли Тихомиров и Соловьев, были особенно внимательными слушателями живого слова, и по прошествии некоторого времени иные из них отдавались Господу всецело. По прошествии двух лет власти заметили, что каторжане, всегда беспокойные, как-то присмирели, а некоторые вели себя безукоризненно.

Тихомиров на своем пути за Байкал везде справлялся о судьбе переселенцев из Могилевской губернии, надеясь узнать что-либо о местопребывании своих односельчан и, прежде

всего, узнать, где его сестра, жива ли она. Письма, которые он писал на родину, оставались без ответа. О, как часто он думал о своей милой сестрице Шуре, как хотелось бы рассказать ей о всех своих переживаниях, а главное – об обращении от своих мертвых дел к живому упованию на Христа!

Но вот, по прошествии нескольких лет, по случаю какого-то события государственной важности была объявлена амнистия, и Тихомиров Павел с Соловьевым Григорием были досрочно освобождены. Прощаясь со всеми уверовавшими через них на каторге, они поручали всех Богу, как своих духовных детей, а те плакали при разлуке с духовными отцами своими. И вот Тихомиров с Соловьевым пошли пешком по направлению к Томску и Иркутску. Заветная их мысль была пробраться в Европейскую Россию, на родину, которую они еще помнили. Все, с кем им приходилось встречаться на пути и на ночлегах, интересовались ими и расспрашивали – кто они, откуда и куда идут. История бывших разбойников всех интересовала, и от их рассказов люди умилялись, и многие сердца загорались желанием служить Господу. В некоторых поселках они находили верующих братьев и сестер, с которыми проводили вечера в дружной братской беседе и чтении Слова Божия. Верующие были рады видеть торжество Евангелия в обращении погибающих грешников и благословляли имя Господне. В одном поселке, где они праздновали день воскресный и

рассказывали в большом собрании о своей былой жизни и о спасении, произошло большое пробуждение: несколько десятков душ обратилось к Господу. Велика была радость по этому поводу.

Была ранняя весна. Разливались реки, природа оживала после долгого зимнего сна; перелетные птицы громадными стаями спешили в родные места, где оставили свои гнезда, а Тихомиров и его товарищ стремились на родину, где их гнезда были давно разорены ... От линии железной дороги они далеко не отходили. Тихомиров старался, но не мог припомнить название той станции, где он потерял отца, мать и сестру. Ему хотелось взглянуть на те снеговые щиты, под защитой которых он столько выстрадал когда-то в детстве. При воспоминании о пережитом слезы покатались по его щекам и он воскликнул: "Ах! Дорогие вы мои ... оставили вы меня одного, и вот я должен скитаться по белу свету!" Но он тут же вспомнил, что и сам Сын Божий на земле не имел пристанища и был одинок, даже среди родных.

День клонился к вечеру, когда путники подходили к маленькому городку на берегу реки, недалеко от железной дороги. Свернув в одну из улиц, они спросили: "Нет ли здесь верующих?" Им указали на один красивый небольшой дом среди высоких елей. Подходя к дому, они увидели игравших у крылечка двух детей, а поодаль – занятую чем-то молодую хорошо одетую женщину, которая им приветливо улыбнулась. Подойдя к ней, они

заговорили с нею, сказав, что они верующие и просят приюта на ночь. Женщина ласково пригласила их в дом, прибавив, что для братьев всегда найдется место. Она позвала своего мужа, который копал грядки в огороде, и он тотчас пришел с радушным приветствием и остался с ними, а тем временем хозяйка спешила приготовить чай. Пока грелся самовар, она подоила двух коров и накрыла стол. И чего там только не было: большие куски сливочного масла, сметана, большой молочник со сливками, два-три сорта печенья, вареные яйца и прекрасный белый хлеб – все манило взоры изголодавшихся путников. Большая лампа бросала яркий свет на белоснежную скатерть, а блестящий самовар весело шумел. Вошла приветливая хозяйка в обшитом кружевами белом переднике и сказала мужу: "Леня, приглашай братьев к столу. Милости просим за стол, дорогие гости!" Все подошли к столу, и хозяин стал призывать благословение Божие.

Он благодарил Бога за Его любовь и заботу, благодарил за дорогих гостей, просил, чтобы Господь хранил их в вере, и просил благословения на пищу. Тихомиров никогда в жизни не бывал за таким обильным столом и в такой гостеприимной, милой семье. Его душа переполнилась чувством восхищения и умиления. Детки хозяев, мальчик и девочка, также заняли свои места за столом, внимательно посматривая на гостей и

прислушиваясь к разговору. Начатый Тихомировым до чая рассказ был им прерван на том месте, где разбойники в лесной глуши впервые открыли взятое у убитых проезжих Евангелие. По просьбе хозяина Тихомиров теперь продолжал. Он живо описал, как мало-помалу Евангелие проникло в его душу и души его товарищей, как они сокрушались о своих злодеяниях и как решили оставить свой образ жизни и отдаться правосудию; как уверовал прокурор и как их судили; рассказал о пребывании своем в пересыльных тюрьмах и о годах, проведенных на каторжных работах до амнистии. Хозяин и хозяйка не сводили глаз с рассказчика, а хозяйка часто вытирала катившиеся по лицу слезы, как бы желая скрыть их от сидевших за столом.

В беседе время бежало незаметно; большие часы звонко пробили полночь. Все стали на колени и благодарили Бога за чудные дела Его для спасения гибнущих грешников.

– Куда же вы теперь, братья, направляетесь? – в волнении спросила хозяйка, когда все встали.

– Мы решили пойти на родину, в Россию, – ответил Тихомиров.

– А есть там у вас кто-нибудь из ваших родных? – продолжала она.

– Вот у Соловьева есть или была там мать, верующая; она жила в Киевской губернии. А у меня нет никого, ни отца, ни матери; иду просто посмотреть свое родное гнездо – деревню в Могилевской губернии, а главное – есть у меня

большое желание сказать своим землякам о Господе и Его любви к нам.

– А вы давно остались сиротой? – продолжала хозяйка.

– Я потерял родителей, когда мне было восемь лет. Потерял я их тут, в Сибири, когда мы, как переселенцы, ехали сюда на жительство. Отец умер двумя днями раньше матери.

Хозяйка схватилась обеими руками за стол и стояла, подавшись вперед и впиваясь глазами в Тихомирова. Муж смотрел на нее с удивлением, не понимая, почему она так увлеклась расспросами и не идет стлать постели.

А гость продолжал:

– Мы остались круглыми сиротами вдвоем с моей сестрицей, которая была немного старше меня. На другой день после смерти матери я ее потерял и до сих пор ничего о ней не знаю; наверно, она погибла, как погибло много осиротевших детей в невозможных условиях быта переселенцев. Хорошая это была девочка; она меня жалела, как родная мать.

И Тихомиров заплакал. Бледная как смерть, хозяйка воскликнула, заливаясь слезами:

– Не ты ли это – милый мой братец Паша? Скажи скорее; сердце говорит мне, что это ты.

– Шура! Тебя ли я вижу? Ангел ты мой, милая сестра! – рыдая, как ребенок, воскликнул он.

– Да, это я, твоя сестрица, милый ты мой! Уж как я болела о тебе душой!

Брат и сестра бросились друг другу в объятия, целовались, плакали; снова плакали и снова целовались... Тихомиров бросился к детям, которые, глядя на маму, тоже плакали; он целовал то их, то мужа сестры. В общей радости принял участие и Соловьев, пораженный неожиданной встречей потерявших друг друга брата и сестры. О, что это была за радость! Шура так разволновалась, что не знала, за что взяться. Она снова и снова подходила к Паше, обнимала его и говорила:

– Ты ли это, братец, тебя ли я вижу? О, какое счастье! Когда вы подошли к нашему дому, я словно нашла что-то драгоценное; сердце наполнилось дивною радостью, я не понимала, почему это. Мне сейчас же захотелось приютить вас у себя и угостить. Я и так после пережитого мною бедствия всегда с радостью принимаю нуждающихся, а тут как-то особенно душа к этому стремилась. Теперь я знаю, почему: пришел ко мне мой милый братец; ведь двадцать лет мы с тобой не виделись. О, что за радость!..

И они снова упали на колени и славили Господа с таким жаром, как никогда раньше. Все славили Господа, и даже пятилетняя дочурка Шуры сказала: "Добрый Иисус, спасибо Тебе, что Ты привел к нам дядю Пашу!" Плакали все, а Алексей Васильевич благодарил Бога за такой драгоценный подарок его жене.

Было три часа полуночи, а они еще не спали, и даже дети не ложились. Снова пили чай, беседовали

и, наконец, поручив себя хранению Господа, разошлись перед рассветом. После пережитых волнений сон у всех был беспокойный. Паше грезилось, что он опять в лесу и читает товарищам-разбойникам Евангелие ... Прощанье с ними, прокурор, суд, пересыльные тюрьмы, каторга ... Когда он просыпался и убеждался, что это только сон, он снова славил Господа. Утром за чаем – опять удивление и восхищение милостью Божией, Его заботливостью о сиротах. Шура опять просила брата рассказывать о его переживаниях с того дня, как они расстались у снеговых щитов железнодорожной станции. Она сама всего натерпелась в бараке для девочек, где оставалась до глубокой осени. Настали холода, а барак не отапливался. Начались эпидемии, дети умирали десятками. Тогда из окрестных поселков начали приходить добрые люди и забирать к себе детей, чтобы не дать им замерзнуть зимой. Шуру взяла одна бедная вдова, верующая, у которой было своих четверо детей. В маленькой избенке с дерновой крышей перезимовала Шура у тети Дуни. Хлеб у них был. Тетя Дуня всегда читала Евангелие и молилась с детьми. В этом поселке была и школа. Шура училась хорошо и любила читать, особенно Евангелие. Четырнадцать лет она сознательно обратилась к Господу. Заявила, что желает принять крещение, получила его и была принята общиной. Прошло еще четыре года. Шура повзрослела и слыла хорошей работницей и первой певицей в хоре. Все ее любили. Никому и в голову не приходило, что Шура

не дочь тети Дуни. Они очень любили друг друга. Хор этого поселка нередко ездил по другим поселкам и даже городам, работая для Господа. Однажды певцы и певицы решили посетить тот городок, в котором Шура теперь живет. И вот Господь обильно благословил их труд для Него. Под влиянием вдохновенных речей бывшего с ними проповедника и прекрасного пения хора обратилось к Господу несколько десятков человек, в числе их молодой бухгалтер, служивший в одном торговом доме. Спустя год он стал мужем Шуры, и живет она с Алексеем Васильевичем в любви и согласии, имея двух детей. Когда Шура кончила рассказывать о себе, Паша напомнил ей, как он после смерти родителей хотел было броситься под поезд и как Шура, плача, его убеждала не делать этого отчаянного шага, говоря: "Не унывай, мой милый, нас Господь не оставит". Теперь Шура и Паша вспомнили слова псалмопевца: "Пойте Богу нашему, пойте имени Его ... Имя Ему – Господь; и радуйтесь пред лицом Его. Отец сирот и судья вдов Бог во святом Своем жилище. Бог одиноких вводит в дом, освобождает узников от оков ..." (Пс.67:5-7). И они снова славили Господа.

С желанием Паши отправиться на родину, чтобы призвать ко Христу оставшихся там родственников и односельчан, Шура была согласна; но сердце влекло ее сопровождать его и помогать в работе над уверовавшими душами. Алексей Васильевич охотно на это согласился, обещая хорошо присматривать за

мальчиком, а девочку Шура решила взять с собою. Средства для поездки дал Алексей Васильевич.

Через три дня они уже ехали в Европейскую Россию. Вот, наконец, Самарская губерния, Саратовская, Пензенская, Воронежская, Курская и Киевская. В Киеве Соловьев простился с Пашей и Шурой и поехал в свою деревню в надежде присоединиться к ним после свидания с матерью, а они поехали в Могилевскую губернию. Вот и родная Сосновка!.. Въехав в деревню, они стали расспрашивать о Тихомировых, и оказалось, что в Сосновке проживают два родных брата их отца, две тетки и несколько дальних родственников. Все они удивились появлению в их деревне Паши и Шуры, о которых слышали, что они умерли вслед за родителями, не доехав до места назначения. Каждый звал их к себе в гости. Вскоре все они узнали, что новонайденные молодые родственники – христиане: когда их приглашали ознаменовать радость свидания выпивкой, они отказывались, говоря, что христианам этого не полагается. Но почему же, удивлялись сосновцы, ведь и они христиане, а пьют водку при каждом случае. Отсюда обыкновенно начиналась беседа, потом переходили к чтению Слова Божия. Сильно действовал на всех рассказ Паши о том, каким путем он пришел к спасению. Почти каждый вечер сосновцы собирались к Тихомировым слушать Слово Божие, и мало-помалу истина пробивала кору застарелых предрассудков. Многие нашли в Христе своего

личного Спасителя и решили отдаться Господу. И вот новое испытание ... Священник заволновался и поднял на ноги всю окрестную полицию доносом, что приехал какой-то каторжник и поколебал в народе все устои православной веры, и если власть не вмешается, то от нового учения могут пострадать устои государства. Ночью явился на квартиру Тихомировых полицейский и повел Павла к становому приставу. Утром в канцелярию пристава прибыли следователь и священник. Во время допроса Павла был составлен протокол. Тихомирова отправили под конвоем в тюрьму уездного города до суда.

Шура очень затужила о брате. Пришлось ей уехать обратно в Сибирь, даже не повидав его, так как свидания с подсудимыми не разрешались до суда. А он через несколько дней прислал ей письмо следующего содержания: "Дорогая моя сестра Шура! Прошу тебя не скорбеть обо мне ... Я очень рад, что уже не как разбойник и вор, но как христианин удостоиваюсь быть участником в страданиях моего Спасителя ... Радуюсь этому невыразимо, так как и в тюрьме много погибших душ жаждет спасения, которое я имею возможность возвестить во Христе. Не унывай, а молись обо мне. Целую тебя, Леню и деток ваших".

До суда прошел целый год, и Павел побывал уже в трех тюрьмах. Всюду он проповедовал Христа, и всюду грешники обращались на путь спасения. Тюремные священники просили власти избавить их

от еретика, с которым нет никакой возможности сладить. Суд приговорил Тихомирова к двум годам ссылки в Енисейскую губернию за "сворачивание православных в штунду". Оказалось, что в одной Сосновке перестало ходить к "батюшке" на исповедь и молиться иконам около ста душ.

Из зала суда Павел был отправлен через пересыльные тюрьмы опять в так хорошо знакомую ему Сибирь. Ему удалось известить Шуру и Леню, каким поездом он будет ехать через ближайшую к ним станцию, и они вышли с ним повидаться. Видеться пришлось только через решетку арестантского вагона. Шура плакала – жаль ей было брата; но он смотрел на нее, радостно улыбаясь и давая понять, что он рад страдать за Христа.

Прошли и эти два года. Жизнь Тихомирова в ссылке всюду отражала чистый и святой образ жизни Христа, что и было причиной успеха его свидетельства. За это время он вел переписку с Шурой, а также с Соловьевым, который писал ему, что остался жить в родном селе, где небольшая община евангельских христиан встретила его по-братски, и что он работает в ней с большим благословением. Мама его еще жива и очень счастлива, что Бог ответил на ее молитвы о сыне и спас его. Теперь она, радостная и спокойная, доживает свой век на иждивении своего трезвого и честного сына-христианина.

По отбытии срока ссылки Паша уехал к Шуре, решив всю свою жизнь посвятить спасению грешных

душ. Он не захотел связывать себя семейными узами, чтобы ничто не мешало ему проповедовать Благую Весть Бога людям, то самое Евангелие, которое его и многих погибающих переродило. Работал он при общине того городка, где жила Шура, и в других местах Сибири, но постоянная его квартира была у сестры, чему был рад и ее муж. Шура часто сопровождала брата по деревням, как его соратница во Христе. Община христиан в этом городке процветала духовно.

А на первой странице того Евангелия, которое он когда-то взял у убитого им брата, Павел Тихомиров сделал и свою запись. Она гласила: "Прости меня ради Христа, дорогой брат; я убил тебя, потому что сам был мертв во грехах моих. Господь меня простил и оживотворил. А твоя безвременная телесная смерть привела к вечной жизни не только меня, но и многих подобных мне разбойников и грешников. Твое Евангелие, как живой поток, размягчило зачерствелую душу, напоило меня, жаждущего, и течет далее. Да будет благословен твой Бог и мой! Аминь".